

A close-up, high-contrast photograph of a man's face, likely a detective, with a serious expression. He has blue eyes and a slight stubble. In his mouth, he holds a small, dark-colored doll with a cracked, spherical head and a long, flowing dress. A bright red ribbon is tied around the doll's waist. The background is dark and out of focus, showing bokeh lights in shades of blue and yellow, suggesting an urban or industrial setting at night.

**Перво́й
понеде́льник
без
рассле́дования**

Мунбин Мур

Мунбин Мур

**Первый понедельник
без расследования**

«Автор»

2026

Мур М.

Первый понедельник без расследования / М. Мур — «Автор»,
2026

****Он думал, что всё кончено.**** Последний рабочий день, сданное удостоверение, тишина вместо звонка с места преступления. Но прошлое не отпускает так просто. ****Анонимная фотография, фарфоровая кукла с намёком на самое мрачное дело в карьере, девушка в шоковом состоянии в его же старой квартире**** — это не прощание. Это объявление войны. Бывший следователь Матвей Сомов выброшен за блок системы, но становится мишенью в чужой изощрённой игре. Чтобы спасти тех, кто остался рядом, и себя, ему придётся провести ****последнее в жизни расследование****. Против невидимого врага, который знает каждый его шаг. Против системы, которой он когда-то служил. Против собственных демонов. ****Грань между паранойей и реальностью стирается. Каждый шаг может быть последним. Кому можно доверять, когда тень предательства длиннее вечерней?*****

Содержание

Глава 1. Тишина	5
Глава 2. Тень на воде	8
Глава 3. Ночные звонки	12
Глава 4. Окно на Комсомольской	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мунбин Мур

Первый понедельник без расследования

Глава 1. Тишина

Он проснулся от тишины.

Это был первый странный, острый, режущий сознание факт. Не от навязчивого, похожего на вой сирены будильника, установленного на шесть утра уже пятнадцать лет подряд. Не от вибрации телефона под подушкой, сообщающей о новом, ещё пахнущем кровью и ложью деле. И даже не от привычного спазма в животе, который раньше был верным спутником каждого утра понедельника. Нет.

Его разбудила абсолютная, густая, ватная тишина.

Матвей Сомов открыл глаза и какое-то время лежал неподвижно, уставившись в потолок. Ранний осенний свет, бледный и нерешительный, пробивался сквозь щель между шторами, выхватывая из полумрака знакомые очертания: край комода, раму картины, стопку нетронутых за выходные книг на стуле. Он слышал, как за окном, где-то очень далеко, проехал грузовик. Как скрипнула половица в прихожей – старый дом вздыхал во сне. Как стучит его собственное сердце. Ровно, методично, без адреналиновой дроби. Как у обычного человека.

Именно этого он и хотел, верно? Наконец-то выспаться. Наконец-то жить по часам, а не по звонку с места происшествия. Наконец-то услышать тишину.

Почему же тогда эта тишина звенела в ушах набатом?

Он откинул одеяло и сел на кровати. Суставы отозвались привычной, но уже не такой острой ломотой. Сорок пять лет. Двадцать два из них – в следственном отделе. Семь – старшим следователем по особо важным делам. А теперь – никаких. Вообще.

Вчера, в пятницу, он сдал удостоверение и служебный пистолет. Не по увольнению. По состоянию здоровья. По рекомендации врачебной комиссии и, что важнее, по настоянию начальства. Последнее дело – то самое, «дело о фарфоровых куклах» – оставило на нём невидимые, но чересчур заметные для опытного взгляда трещины. Он перестал спать. Перестал доверять даже коллегам. Однажды на допросе чуть не зашёл слишком далеко с подозреваемым – у того после беседы с Сомовым на два дня пропал слух. Психотерапевт, навязанный отделом кадров, вынес вердикт: «Профессиональное выгорание, сопряжённое с посттравматическим синдромом. Требуется длительный отдых. Желательно – без возможности выхода на работу в ближайшие год-полтора». Начальство с готовностью подписало все бумаги. Он был слишком хорош, слишком въедлив, слишком опасен. Он видел то, что другие предпочитали не замечать. И теперь стал неудобен.

Матвей потянулся к тумбочке, где уже не лежал телефон, готовый взорваться сообщениями, а стояла старая радио-будильница. Без семи восемь. Час, когда он обычно уже был в каби-

нете, вчитывался в первые сводки, вдыхая горький аромат пережжённого кофе из автомата в коридоре. Сегодня можно было не спешить. Совсем.

Кухня встретила его стерильным порядком. Чашка, вымытая с вечера, стояла в сушилке вверх дном. Баночка с растворимым кофе была полна. Он взял её в руки, подумал секунду и поставил обратно. Сегодня – чай. Просто чай. Попытка начать всё с чистого листа, с нового ритуала.

Пока закипал чайник, он подошёл к окну. Двор был почти пуст. Девушка с собакой. Пенсионерка с авоськой. Мир, который жил своей жизнью, пока он раскапывал чужие смерти. Этот мир казался ему теперь плоским, как открытка, бутафорским. Сомов поймал себя на том, что автоматически изучает походку прохожих, оценивает содержимое пакета у старушки, отслеживает траекторию движения машины, припарковавшейся у подъезда. Синдром. Профессиональная деформация. От этого тоже нужно было лечиться.

Звонок в дверь прозвучал как выстрел.

Сомов вздрогнул, обернулся. Часы показывали ровно восемь ноль-ноль. Никто не звонил ему так рано. Вернее, звонили, но только по служебным поводам. Старая привычка заставила его бросить быстрый взгляд на глазок, прежде чем открыть.

За дверью стоял курьер. Молодой, в яркой униформе курьерской службы, с планшетом в руках и безразличным выражением лица.

– Матвей Игнатьевич Сомов? Подпись, пожалуйста.

Конверт. Простой, плотный, формата А4, без обратного адреса. Сомов механически расписался на планшете, взял конверт. Он был лёгким, почти пустым.

– От кого?

– Не указано. Оплачено как анонимная доставка. Хорошего дня.

Курьер уже спускался по лестнице. Сомов закрыл дверь, повертел конверт в руках. Ни марки, ни печати. Только его имя и адрес, напечатанные ровным, безликим шрифтом. Коллеги-шутники? Прощание в таком стиле было не в их духе. Официальные бумаги из отдела? Их бы прислали с нарочным, с описью.

Он вскрыл конверт ножом для бумаг (старая привычка – не оставлять отпечатков) и вытащил единственный лист.

Это была черно-белая фотография. Качественный снимок, сделанный, судя по всему, с большого расстояния, но на хорошую технику. На фотографии был он сам. Матвей Сомов. Вчерашний день, пятница, примерно шесть вечера. Он выходил из здания управления, неся в руках картонную коробку со своими личными вещами с рабочего стола. Лицо было снято крупно, в профиль. На нём читалась усталость, опустошение и та самая пустота, которую он старался скрыть ото всех. Фотограф поймал именно этот момент – момент поражения.

На обратной стороне листа, также напечатанными буквами, была всего одна фраза:

****«СМОТРИТЕ, КАК ОН ХОРОШО ОТДЫХАЕТ. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ».****

Лёд тронулся где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, и медленно, неумолимо пополз по жилам, сменив тепло чая на холодный, знакомый до тошноты адреналин. Это не было прощанием. Это было наблюдением. Целенаправленным, расчётливым, демонстративным.

Его руки сами собой, вопреки приказам мозга, начали анализировать. Бумага – стандартная офисная, 80 г/м², десятков брендов. Принтер, скорее всего, лазерный. Шрифт – Arial или его аналог. Никаких уникальных особенностей. Фотография... Угол съёмки – с крыши здания напротив. Нужен был серьёзный объектив. И смелость. Здание напротив – бизнес-центр, проход свободный. Камеры есть. Нужно будет проверить...

Он остановил себя на полуслове, стиснув челюсти. Нет. Никаких «нужно будет». Никаких проверок. Сегодня понедельник. Его первый понедельник без расследования. Он вышел на пенсию. У него профессиональное выгорание. Он должен пить чай, смотреть в окно и забыть, как держать в руках улику.

Сомов медленно разорвал фотографию на мелкие кусочки, подошёл к унитазу и смыл их. Смыл это лицо – лицо сломленного человека. Конверт сжёг в пепельнице, растёр пепел. Действовал чётко, автоматически, уничтожая улики в собственной квартире. Абсурд.

Но дрожь в кончиках пальцев не проходила. Кто? И зачем? Запугать? Насмехаться? Напомнить, что он всё ещё интересен? Или... это было начало? Начало чего-то, что пришло ему на смену? Намек, что его «дело о куклах» закрыто не до конца?

Чай остыл. Сомов стоял посреди кухни, слушая, как завывает ветер в вентиляции, и ловил отголоски звуков за стеной. Обычные звуки. Сосед сверху включил дрель. Кто-то крикнул что-то на улице. Мир вернулся к своей плоской, шумной нормальности.

Но тишины внутри больше не было. Её место занял низкий, неумолчный гул тревоги. И шепот. Шёпот одного-единственного вопроса, который он, как следователь, не имел права задать самому себе, но который теперь висел в воздухе, отравляя каждый вдох:

Если это только первый день, то что будет завтра?

Глава 2. Тень на воде

Позвонить бы Глебову.

Эта мысль билась в висках навязчивым, монотонным ритмом весь день. Следователь Андрей Глебов, его бывший напарник, а теперь – преемник по тому самому «делу о куклах». Молодой, амбициозный, ещё не научившийся гасить в глазах тот самый огонь, который Сомов в себе уже давно не чувствовал. Достаточно было набрать три цифры – внутренний номер отдела – и всё: выложить историю с фотографией, услышать скептическое хмыканье или, что хуже, притворно-сочувственное: «Матвей Игнатьевич, отдохните, вам нельзя нервничать».

Именно этого Сомов и не мог допустить. Признать, что его, ветерана, только сошедшего с дистанции, испугала одна анонимная бумажка. Он сам когда-то учил новичков: паника – лучший союзник преступника. Нужно было думать. Хладнокровно.

Но как думать, когда все инструменты отобраны? Доступа к базам данных нет. Запросить записи с камер бизнес-центра официально – невысказано. Пойти туда самому, представиться? Смешно. Он теперь просто частное лицо. Матвей Игнатьевич Сомов, пенсионер. Самое большое, что он мог сделать легально – заявить в полицию об угрозе. В свой бывший отдел. И снова увидеть эти взгляды – смесь жалости и облегчения: «Сломался окончательно».

Поэтому он не позвонил. Он пытался жить. Вышел в город после полудня, будто выполняя предписание врача – «бывать на воздухе, отвлекаться». Осенний воздух был прохладен и свеж, пах опавшей листвой и дымом из дальних труб. Он шёл по бульвару, вглядываясь в лица прохожих, и чувствовал себя диким зверем, выпущенным из клетки в неестественную среду. Его взгляд, отточенный годами, выхватывал мельчайшие детали: стоптанный каблук у бизнесмена, говорящий о финансовых проблемах; свежая царапина на дорогой сумке у женщины – возможно, её вырвали и она сопротивлялась; нервный тик у подростка, смотрящего по сторонам слишком часто для простой прогулки. Информация натекала лавиной, но не было больше фильтра, системы, куда её можно было поместить для анализа. Она просто болталась внутри, создавая мучительный, бесполезный фон.

Он зашёл в маленькое кафе, где никогда не бывал раньше – ещё один пункт в программе «новой жизни». Заказал кофе (настоящий, зерновой, не растворимую бурду) и сел у окна. Руки сами потянулись к планшету, которого не было. Раньше в такие минуты простоя он просматривал оперативные сводки, фото с мест происшествий, расшифровки допросов. Теперь он уставился на парк across the street, и его мозг, лишённый привычной пищи, начал пережёвывать ту единственную загадку, что у него осталась.

«Смотрите, как он хорошо отдыхает». Ключевое слово – «смотрите». Множественное число. Послание адресовано не только ему. Кому-то ещё показывали эту фотографию, это унижение. Или покажут. «Он» – это Сомов. Объект наблюдения. Но наблюдение – это лишь первый шаг. Зачем наблюдать за вышедшим в отставку следователем? Есть три варианта: страх, месть, игра.

Если страх – значит, он что-то знает. Что-то такое, что, по мнению отправителя, не ушло вместе с удостоверением. Если месть – тогда нужен был не просто снимок, а что-то более жёст-

кое. Значит, это только начало. Если игра... Игры бывают разные. Но все они требуют участия второй стороны.

Он отпил кофе, и горечь разлилась по языку. Участия. Вот чего от него ждали. Чтобы он отреагировал. Испугался, полез в прошлое, засуетился. Стал «работать». Стал собой. Это была приманка.

– Неужели один? – раздался голос рядом.

Сомов вздрогнул. Он не слышал приближения. Непростительная оплошность, которая два месяца назад могла стоить жизни. Перед ним стояла женщина. Лет пятидесяти, аккуратная, в пальто цвета хаки, с умными, слегка усталыми глазами. В руках – книга в потёртом переплёте. Он узнал её моментально, хотя видел всего несколько раз. Вера Аркадьевна. Психолог из ведомственной поликлиники. Та самая, что подписала в числе прочих его диагноз.

– Вера Аркадьевна, – кивнул он, не вставая. – Какие судьбы.

– Мир тесен, особенно в нашем районе, – она улыбнулась, но в улыбке не было ничего терапевтического, скорее – лёгкая ирония. – Можно присоединиться? Мой приём окончен, а домой идти не хочется.

Он жестом пригласил её сесть. Инстинкт кричал: «Осторожно! Слишком совпало!» Но рациональная часть мозга отметила: кафе действительно находится между поликлиникой и её домом, это логичный маршрут. Совпадение? Возможно.

– Как ваша новая жизнь? – спросила она, заказав чай. – Первый день свободы.

Слово «свободы» прозвучало для Сомова как удар хлыстом. Он внимательно посмотрел на неё. Ничего. Обычная учтивая фраза.

– Привыкаю, – буркнул он. – Тишина немного оглушает.

– Это нормально. Мозг отвыкает от постоянной перегрузки. Как двигатель, снятый с высоких оборотов. Нужна плавная адаптация.

Они помолчали. Сомов чувствовал, как она изучает его не как врач, а как человек. Это было непривычно и немного тревожно.

– Вы знаете, Матвей Игнатьевич, – начала она тише, – я работаю с вашими коллегами много лет. Вижу, как они уходят. Кто-то – на пенсию, кто-то... иначе. Редко кому удаётся сделать это красиво. Почти всегда это похоже на ампутацию.

– Вы хотите сказать, что фантомные боли – это неизбежно? – спросил он, и в его голосе прозвучала неожиданная для него самого жёсткость.

– Неизбежно. Вопрос в их интенсивности. Иногда мозг посылает сигналы в отсутствующую конечность, чтобы убедиться, что она на месте. Чтобы вернуть контроль.

– А если конечность отрезали не до конца? Если там осталась инфекция?

Она пристально посмотрела на него.

– Тогда боли будут не фантомными, а самыми что ни на есть реальными. И потребуется новое, более радикальное вмешательство.

Её телефон тихо вибрировал. Она взглянула на экран, и её лицо на мгновение стало профессионально-отстранённым.

– Мне пора. Простите. И, Матвей Игнатьевич... будьте осторожны со своими фантомами. Иногда за ними приходят.

Она ушла, оставив его с не до конца понятным предупреждением и горьким осадком. Это было совпадение? Или тонкий намёк? Могла ли она знать что-то? Или его параноя, о которой так много писали в заключении, наконец вышла из-под контроля и начала окрашивать всё вокруг?

Он расплатился и вышел на улицу. Сумерки сгущались быстро, зажигая в окнах жёлтые квадраты. Он решил идти домой длинной дорогой, через сквер у старой водонапорной башни. Место было безлюдное, тёмное, с глухими аллеями. Ещё одна старая привычка – проверять территорию, ощущать её уязвимости. Или, как сейчас, идти навстречу возможной опасности, чтобы выманить её на свет. Глупо. Безрассудно. Но другого способа «работать» у него не осталось.

В сквере было тихо. Лишь где-то вдали кричали дети. Его шаги отдавались глухо на сырой земле. Он прошёл мимо детской площадки, опустевшей и мрачной, мимо скамеек, на которых никто не сидел.

И тут он её увидел.

На дальней скамье, у самого выхода к дороге, сидела девушка. Лет двадцати пяти. Тёмное пальто, светлые волосы, выбивающиеся из-под капюшона. Она сидела неестественно прямо, не двигаясь, уставившись перед собой в пространство между деревьев. В руках, лежащих на коленях, она сжимала какой-то небольшой предмет. Сомов замедлил шаг. Следователь внутри него замер, насторожившись. Поздний вечер, холод, безлюдный парк. Девушка одна. Почему? Ожидание? Отчаяние? Или что-то иное?

Он уже собирался пройти мимо, следуя новому правилу «не вмешиваться», но его взгляд упал на её руки. Он разглядел предмет, который она держала. Это была кукла. Не современная барби, а старинная, фарфоровая, в пышном платье. Такой же тип куклы, какой фигурировал в том самом деле. Одна из тех, что оставалась на месте преступления, своеобразная визитная карточка маньяка.

Кровь отхлынула от лица Сомова, ударив в виски. Он замер на месте. Это не могло быть совпадением. Это было невозможно.

Девушка, словно почувствовав его взгляд, медленно повернула голову. Её лицо было бледным, почти восковым, а глаза – огромными, полными немого ужаса. Их взгляды встретились. Она беззвучно пошевелила губами, словно хотела что-то сказать, но не могла выдать

из себя звук. Потом её взгляд скользнул за спину Сомова, и в её глазах вспыхнул животный, первобытный страх. Она резко вскочила, выронив куклу на мокрую землю, и бросилась бежать к выходу со сквера.

Сомов обернулся. На аллее, в двадцати метрах за ним, стояла тёмная фигура в длинном плаще, лицо скрывал капюшон. Фигура не двигалась, просто стояла, наблюдая. Сомов почувствовал, как по спине пробежали ледяные мурашки. Он сделал шаг в ту сторону.

В тот же миг фигура развернулась и бесшумно растворилась в тени между деревьями, будто её и не было.

Сердце Сомова бешено колотилось. Он подошёл к скамье, наклонился и поднял куклу. Она была холодной и мокрой. Тот же фарфор, те же детали, тот же стиль. Прямо из его кошмара. Он осмотрел её. На оборке нижней юбки, почти неразличимой в сумерках, была приколота маленькая, булабочная головка, записка. Крошечный кусочек бумаги, сложенный вчетверо.

Дрожащими от волнения и гнева руками он развернул её. На ней было напечатано всего три слова, которые превратили его из наблюдателя в главное действующее лицо чужого, страшного спектакля:

****«СКУЧАЕШЬ ПО РАБОТЕ?»****

Он сжал куклу в кулаке так сильно, что фарфор затрещал. Он оглядел опустевший, погружённый во мрак сквер. Девушка исчезла. Незнакомец исчез. Он остался один посреди тишины, которая теперь была громче любого крика. Его первый понедельник подходил к концу. И тишина кончилась. Началось что-то другое.

Он сунул куклу и записку в карман и быстрым, решительным шагом направился не домой. Он знал, куда идти. Всё, что происходило, – это было не фантомной болью. Это была настоящая, гниющая рана. И он, кажется, знал единственное место, где мог найти скальпель и свет.

Игра началась. И он, против всех приказов, диагнозов и собственных обещаний, принял в ней вызов.

Глава 3. Ночные звонки

Дождь начался внезапно, крупными, тяжёлыми каплями, которые вскоре слились в сплошную, глухую стену. Сомов шёл, почти не замечая его. Фарфоровая кукла, завёрнутая в носовой платок, лежала в кармане пальто, как раскалённый уголёк, прожигая ткань и плоть, напоминая о себе при каждом шаге. Записка «СКУЧАЕШЬ ПО РАБОТЕ?» была спрятана во внутреннем кармане пиджака, прижатая к груди.

Он шёл не домой. Единственное место, куда он мог сейчас обратиться, – это маленькая мастерская-лаборатория старого друга, а по совместительству судебно-медицинского эксперта на пенсии, Сергея Фёдоровича Коршунова. Тот жил на окраине, в частном секторе, в доме, больше похожем на склад странных вещей и передовых технологий. Сергей Фёдорович давно отошёл от официальной работы, но его интерес к криминалистике, подогреваемый циничным отношением к системе, не угас. Он был одним из немногих, кто не смотрел на Сомова с жалостью, а лишь хмурил брови, говоря: «Всё предвидел. Сгноили, Матвей».

Дом Коршунова стоял в глубине участка, за высоким, облезлым забором. Окна первого этажа были ярко освещены. Сомов, не задумываясь, нажал кнопку звонка у калитки. Дождь хлестал по спине. Он ждал, чувствуя, как вода затекает за воротник.

- Кого чёрт принёс в такую погоду? – раздался в домофоне хриплый, недовольный голос.
- Это Сомов, Сергей Фёдорович. Мне нужно.

Пауза была недолгой. Замок на калитке щёлкнул. Сомов прошёл по узкой, заросшей тропинке к крыльцу. Дверь уже была открыта. На пороге стоял Коршунов – невысокий, коренастый, с седой, вечно взъерошенной шевелюрой и глазами умного, уставшего барсука. Он был в старом халате поверх клетчатой рубашки.

– Заходи, просушись. По твоему виду, дело не в ностальгии, – пробурчал он, отступая вглубь прихожей, заваленной коробками с книгами и приборами.

Внутри пахло пылью, кофе, озоном и чем-то химическим. Сомов скинул промокшее пальто. Коршунов, не спрашивая, протянул ему полотенце.

– У тебя вид человека, который видел призрака. Причём своего собственного, – отметил эксперт, проводя его в кабинет-лабораторию. Комната была загромождена микроскопами, спектрометром, старым компьютером с огромным монитором. Повсюду лежали образцы, фотографии, схемы.

– Я, кажется, начал его видеть, – хрипло сказал Сомов. Он вытащил куклу, осторожно развернул платок и положил её на стол под яркую лампу. – Мне нужен твой взгляд, Сергей. Всё, что сможешь сказать.

Коршунов нахмурился. Он надел очки с толстыми линзами, взял пинцет и длинную лупу. Его движения стали точными, экономичными, сразу выдав в нём мастера.

– Фарфор. Качественный. Старая работа, не массовое производство. Ручная роспись, – он ворчал себе под нос, поворачивая куклу. – Одежда – смесь современных тканей и старых

кружев, вероятно, снятых с другой куклы... Потертости искусственные, сделаны абразивом... Стоп.

Он приблизил лупу к лицу куклы, потом к её рукам.

– Здесь. Микрочастицы. Не пыль. Что-то органическое. Под микроскопом будет яснее.

Пока Коршунов возился с приготовлениями, Сомов изложил ему суть: утренняя фотография, встреча в сквере, девушка, тёмная фигура. Он опустил визит Веры Аркадьевны – это казалось не относящимся к делу. Эксперт слушал, не перебивая, лишь изредка бросая на него тяжёлые взгляды.

– Глупо было идти в тот сквер одному, – заключил он, когда Сомов закончил.

– Я знаю.

– И ещё глупее – нести эту штуку сюда. Это вещественное доказательство, Матвей. Ты должен был сдать её в отдел.

– И что? Чтобы Глебов записал это как бред сумасшедшего пенсионера? Чтобы кукла попала в архив и исчезла? Ты же знаешь, как это бывает.

Коршунов хмыкнул, признавая правоту. Он поместил образец под окуляр микроскопа, долго смотрел, настраивая резкость.

– Органика, как я и думал. Частицы кожи. Небольшое количество. И... интересно. Волокна. Не от одежды куклы. Другие. Синтетические, тёмно-синие, с микроскопическими вкраплениями... похоже на частицы краски. Специфической. – Он оторвался от микроскопа. – Такие волокна могли остаться от перчаток. А краска... напоминает ту, что используют в ремонтных мастерских или на некоторых производствах. Грубая, защитная.

– Перчатки рабочие, – уточнил Сомов, и в голове начала вырисовываться смутная картина. Тёмная фигура в плаще... Под плащом могла быть обычная рабочая одежда. – Что с частицами кожи? Можно установить ДНК?

– Теоретически – да. Практически – нет. У меня нет оборудования для полноценного геномного анализа. Я могу только подтвердить, что это человеческая кожа. И, судя по состоянию клеток, сняты они были недавно, возможно, при контакте с шероховатой поверхностью той же перчатки. Кукла – не просто послание. Её трогали. Держали в руках. И не очень аккуратно.

Он перевернул куклу и снова взглянул на записку, которую Сомов положил рядом.

– Бумага, принтер – всё как утром. Одинаковое происхождение. Это не случайность, Матвей. Это система. Кто-то очень хочет, чтобы ты вернулся в игру. Но зачем? Чтобы добить?

Внезапно на столе у Сомова завибрировал его личный телефон. Неизвестный номер. Он посмотрел на Коршунова. Тот кивнул, быстрым движением подключив к телефону пару проводов и запустив на компьютере программу.

– Говори. Запись идёт. Пеленгация – вряд ли, но попробуем.

Сомов принял вызов, включив громкую связь.

– Алло.

Первый момент было слышно только шум, похожий на ветер в трубе или на движение в тоннеле. Потом голос. Искажённый, механический, обработанный голосовой программой, без пола и возраста.

– **Кукла понравилась? Она из твоей коллекции. Точная копия той, что была у жертвы номер три. Помнишь? У неё тоже были светлые волосы.**

Сомов сжал кулак. Жертва номер три. Анна Шилова. Двадцать три года, студентка консерватории. Её нашли в заброшенной котельной с такой же куклой, зажатой в руках.

– Кто ты? – спросил он ледяным тоном, в котором не дрогнул ни один мускул.

– **Я – твоя совесть, Сомов. Ты закрыл дело, но ты не поймал меня. Ты ушёл, думая, что всё кончено. Но игра только начинается. Завтра. В девять утра. Посмотри в окно своей старой квартиры. На Комсомольской, 15. Там будет спектакль. Не опоздай. Приходи один. Или декорации испортятся.**

Связь прервалась.

Сомов сидел, уставившись в телефон, словно в него вселился демон.

– Ничего, – пробормотал Коршунов, тыкая в клавиши. – Номер одноразовый, купленный по подложным данным. Сигнал шёл через несколько серверов, вероятно, за границей. Профессионал. Или очень хорошо подготовленный любитель.

– Он знает про дело, – тихо сказал Сомов. – Знает детали, которые не были в прессе. Про светлые волосы... Эту деталь мы утаили.

– Значит, или кто-то из своих, или... – Коршунов не договорил.

– Или сам исполнитель, – закончил за него Сомов. Мысль была чудовищна. Дело о куклах было закрыто. Подозреваемый, маньяк-одиночка по фамилии Карташов, покончил с собой в камере следственного изолятора, не дожив до суда. Все сошлось. Но если он был невиновен? Или если у него был сообщник, о котором никто не знал?

– Комсомольская, 15, – пробормотал Сомов. – Моя старая квартира. Я жил там десять лет назад. Как он...

– Ты же меняешь документы при переезде, – перебил его Коршунов. – Квартира давно продана. Информация есть в базах. Доступных, увы, не только нам.

Нужно было звонить Глебову. Нужно было ставить в известность отдел. Это был явный криминал: угрозы, намёк на готовящееся преступление. Но голос в трубке был точен: «Приходи один. Или декорации испортятся». Это могло означать жизнь человека. Девушки из парка? Или кого-то ещё?

– Я не могу вовлечь оперативников, Сергей. Если они нагрянут в девять утра штурмом, кто-то может погибнуть. Этот... человек... явно не блефует.

– Ты и один пойти не можешь! Это ловушка! – Коршунов ударил кулаком по столу. – Они хотят тебя выманить и сделать мишенью. Или того хуже – сделать виновным в чём-то.

– Тогда что? Сидеть сложа руки и ждать утра, чтобы узнать из новостей о новом «спектакле»? – голос Сомова сорвался. В нём впервые зазвучала ярость, долго копившаяся беспомощность. – Они играют на моём поле, Сергей. На поле расследования. Они думают, что я сломлен. Что я испугаюсь.

Он встал. Лицо его было жёстким, как из гранита. В глазах, потухших за последние месяцы, вспыхнул знакомый, холодный огонь. Огонь охотника.

– Нет. Я не позволю им диктовать правила. Но я и не полезу в пасть к льву с голыми руками.

Он посмотрел на часы. Было одиннадцать вечера. До «спектакля» – десять часов.

– Мне нужна твоя помощь, Сергей. Неофициальная. И кое-что из твоего арсенала. Миниатюрное, но с хорошим радиусом действия. И твой старый мотоцикл. И фотокамера с мощным зумом.

Коршунов долго смотрел на него, потом медленно, будто нехотя, кивнул.

– Ладно. Дожил. Стану соучастником в аванюре безумного пенсионера. Значит, план какой-то есть?

– Есть, – сказал Сомов. – Мы не пойдём у них на поводу. Мы изменим условия игры. Если они хотят, чтобы я смотрел в окно старой квартиры в девять утра... Я буду смотреть. Но не так, как они ожидают.

Он подошёл к окну, за которым бушевала ночь. Отражение в стекле показывало не уставшего, сломленного человека, а того самого старшего следователя Сомова, чьё имя когда-то заставляло нервничать даже отъявленных негодяев.

– Завтра в девять утра им покажут, что вышедшего в отставку следователя списывать со счетов рано. Очень рано.

Коршунов, кряхтя, полез в дальний шкаф, откуда послышался звон металла и стекла. Сомов же стоял неподвижно, глядя в темноту, где уже чётко вырисовывались контуры завтрашней схватки. Первый день без расследования закончился. Ночь обещала быть очень долгой. А утро – кровавым.

Глава 4. Окно на Комсомольской

Ночь была не просто долгой. Она была вытянутой в тонкую, дрожащую струну, на которой балансировали ярость, холодный расчёт и щемящее, унижительное чувство беспомощности. Сомов не спал. Он сидел в гараже Коршунова, в клубах пара от собственного дыхания, и собирал в голове пазл, все части которого были с подпиленными краями и не желали соединяться.

Сергей Фёдорович, ворча, копался в своих ящиках, извлекая на свет артефакты, которые Сомов не видел со времён активной службы. Миниатюрная передающая аппаратура с автономным питанием, размером с пачку сигарет. Камера с мощным объективом, которую можно было закрепить на одежде. Старый, но отлично отрегулированный мотоцикл «Урал» с коляской – немой и верный свидетель их былых, не всегда санкционированных вылазок.

– Вот, – Коршунов протянул Сомову небольшую коробочку. – «Жучок». Дальность уверенного сигнала – до пятисот метров в городских условиях. Запись включается по голосовой активации или дистанционно. Микрофон чувствительный. Спрячешь в шве или под лацканом. Приёмник у меня. Если что-то случится, я хоть буду знать, где искать твой труп.

– Обнадёживающе, – сухо парировал Сомов, проверяя крепление аппаратуры.

– Реалистично. Ты идёшь на явную провокацию. Твой «поклонник» не стал бы назначать место, если бы не подготовил там сюрприз. Квартира на пятом этаже, подъезд один, пожарная лестница с заднего фасада. Идеальная ловушка.

– Поэтому я не пойду внутрь, – сказал Сомов, изучая карту местности на экране планшета. Он мысленно отмечал точки: крыша соседнего дома, арка напротив, детская площадка во дворе. – Я буду наблюдать. С расстояния. Он ждёт, что я подойду вплотную, запаникую, попробую вломиться в дверь. Я этого не сделаю.

– И что ты увидишь из-за угла?

– Всё, что он захочет мне показать. А этого уже будет много. Манера, детали, почерк. Если это продолжение «дела о куклах» – будут знаки. Если что-то новое – я должен понять логику. Это диалог, Сергей. Пока что он говорит, а я слушаю. Но чтобы отвечать, нужно понять язык.

Он откинулся на спинку старого кресла, чувствуя, как в висках стучит усталость. Тело требовало отдыха, но мозг, разбуженный адреналином, работал на пределе, прокручивая варианты, строя и руша предположения. Девушка в сквере... Испуганная, живая. Её связали с куклой, но не убили на месте. Значит, она – часть спектакля. Актриса или заложница? Исчезнувшая тёмная фигура... Наблюдатель? Исполнитель? Режиссёр?

– Ты думаешь о Карташове? – спросил Коршунов, словно прочитав его мысли. Самоубийца в камере. Удобно. Все улики сошлись, дело красиво зашили и сдали в архив.

– Думаю. И чем больше думаю, тем больше щелей в том деле. Слишком уж... аккуратно. Карташов – отшельник, психопат, но не гений. А в том деле была изощрённость, намёк на интеллект. Я всегда списывал это на безумие. Но что, если безумие было напускным? Или это работа не одного человека?

Он встал, прошёлся по холодному бетонному полу. Рассвет был ещё далеко, но ночь уже начинала синеть по краям, теряя свою густую черноту.

– Мне нужен доступ. Хотя бы к электронной копии дела. Ты можешь?

– Через чёрный ход? – Коршунов усмехнулся. – Возможно. Но не сейчас. Сейчас тебе нужно остаться в живых до утра. Иди, прикорни на час. Я разбужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.